

Морфологические процессы при лингвистическом контактировании (на материале речи русских в Литве)

Язык, длительное время используемый не на территории его исконного распространения, приобретает специфические черты, которые во многом определены лингвистическим контактированием. В частности, рассматриваемый в нашей статье язык русских Литвы испытывает существенное влияние литовского языка, которое значительно усилилось в последнее десятилетие в связи с общественно-политическими переменами в республике, в том числе с изменением статуса русского языка. Влиянию не только литовского языка, но в некоторых районах также польского, белорусского и местного диалекта подвергаются различные функциональные сферы русского языка в Литве: язык масс-медиа, устная разговорная речь, просторечие; эти процессы выявляются на всех языковых уровнях. В данной работе рассматриваются морфологические особенности языка русских в Литве, обусловленные влиянием окружающих языков. Материал исследования — язык средств массовой информации в период последнего десятилетия, записи живой устной речи.

В теории языковых контактов грамматическая интерференция представляет одну из наиболее спорных проблем. Сложностью границ между морфологией и синтаксисом обусловлены прямо противоположные точки зрения исследователей (см. подробнее [5]): а) грамматическая система непроницаема для иноязычных воздействий; б) между грамматическими системами происходит взаимодействие, а проникновение иноязычного материала возможно даже в систему флексий. В современных исследованиях под грамматической интерференцией понимаются «все изменения в грамматических формах, моделях, отношениях и функциях, совершающиеся в данном языке вследствие языкового контакта» ([5]; 103). Механизм грамматической интерференции определяется как невольная интерпретация грамматических категорий второго языка через призму родного, отождествление неодинаковых грамматических форм, способов синтаксической связи слов и синтаксических конструкций, что приводит к отклонениям от грамматических норм одного языка под влиянием другого. Взаимодействие языков в области

грамматических отношений происходит главным образом на синтаксическом уровне, в связи с задачами построения основной речевой единицы — предложения. Морфологическая интерференция проявляется в составе синтаксических единиц.

В морфологии, как наиболее устойчивой системе языка (в сравнении с лексикой и фонетикой), интерференция проявляется главным образом косвенно. «Случаев полного перенесения из одного языка в другой всей грамматической парадигмы с ее формантами никто, по-видимому, еще не наблюдал, но перенесение отдельных морфем различных типов несомненно возможно при наличии благоприятных предпосылок структурного характера, например, сходства начальных моделей или относительной несвязанности и постоянства формы данной морфемы» ([2]; 79). При этом морфемы со сложными грамматическими функциями менее способны к перенесению, чем морфемы, выполняющие простые функции. Прямая морфологическая интерференция, в особенности перенос из одного из контактирующих языков в другой правил словоизменения, — явление весьма редкое.

Общей тенденцией процессов грамматической интерференции является достижение такого состояния языковых структур, которое можно было бы назвать билингвальным изоморфизмом [5]. Это свойство одинаковости строения каких-либо множеств элементов; в состоянии же контакта развиваются определенные процессы, направленные на стирание различий между ними. Известно, что при этом образцом для имитации обычно служит та форма, которая использует в своей парадигме относительно свободные и инвариантные модели, можно сказать — более ясную схему [2]. Процесс замены форм, отклоняющихся от общего правила, более стандартными и упрощение более сложных парадигм являются естественным и постоянным для любого языка. «Но сопоставление двух разных систем в процессе контакта сильнее обнажает их основные внутренние отношения и привлекает внимание говорящих прежде всего к тем формам, которые образуются по стандарту. Отклонения все чаще остаются вне внимания говорящих и постепенно выходят из употребления» ([5]; 109).

Известно, что при языковом контактировании морфологическая система проявляет большую сопротивляемость чужеродным элементам; это подтверждается также нашим материалом. Между тем определенное воздействие окружающих языков, и прежде всего литовского, на речь русских Литвы проявляется в специфике ряда грамматических форм знаменательных частей речи, а также в употреблении предложных конструкций.

1. Имя существительное

Под влиянием литовских конструкций отмечается смешение форм родительного и винительного падежей, которые в кодифицированном русском языке дифференцируются в зависимости от одушевленности/неодушевленности существительных; ср. диалог: А: *Не соединяется?* Б: *Пароля просит* (разговор о компьютере); другие примеры — *Таких вещей скапливается еще и потому, что вокруг идет обновление; Природа таких вещей придумала; Пока я там работал, я таких вещей узнал; Не было смысла изучать другого языка* (РР) — в литовском языке глагольное управление существительным в форме родительного падежа; *Сказка про две собаки* (РР) — в литовском языке существительное в форме винительного падежа. Исследователи отмечают, что в сфере именного словоизменения наиболее слабое звено — склонение существительных [3]. Конкуренция родительного и винительного падежей в русском языке — это проявление тенденции ослабления формального противопоставления падежей, а именно разрушения категории одушевленности, которое наблюдается на протяжении нескольких веков. Показывая общность данного процесса для русского языка метрополии и эмиграции, М.Я. Гловинская обращает внимание на своеобразие данного процесса — «он носит тлеющий характер, то проявляясь, то затухая на какое-то время, но никак не достигая уровня вариантов, а оставаясь все время на уровне описок и оговорок» ([3]; 477). Это процесс, свидетельствующий о развитии аналитизма на развивающемся участке системы русского языка.

В просторечии под влиянием местного польско-белорусского диалекта отмечается уподобление склонения мужских имен на *-а(-я)* именам на нулевую флексию: в творительном падеже единственного числа активизируются формы с окончанием *-ом (-ем)* — *Гуляли с Женьком и Витьком; Разговаривали с Кодем*. Как известно, в близкородственных языках различные словообразовательные и словоизменительные аффиксы легко вычлениются говорящими, а в спонтанной речи при переходе с одного языка на другой встречается и замена падежных формантов [9]. Между тем, в целом для просторечия характерна тенденция к монотипизму, выражающаяся в активном действии аналогии, в устранении периферийных звеньев на различных участках языковой системы [6].

Некоторые существительные класса *singularia tantum* приобретают формы множественного числа и, как существительные литовского языка, становятся соотносительными по числу; ср. следующие типичные употребления — *Ирену в очень тяжелом состоянии отвезли в Каунас-*

ские *клиники* (Обз. 1999. № 45) (лит. Kauno klinikos — мн. ч. в обозначении учреждения); В Вильнюсской университетской больнице “Сантарийские *клиники*” 25 октября впервые в Литве проведена операция по трансплантации костного мозга (ЭЛ. 1999. № 209); *труды* (лит. darbai “предмет в школе”); ср. также диалог, в котором несклоняемое существительное становится соотносительным по числу: А: А где кондиционеры бывают? Б: Где?... **В бюрох**, наверное (лит. biuras “бюро”).

Формы множественного числа существительных — также наиболее распространенные примеры грамматических заимствований в языке русской эмиграции ([8]; [3]). Это нетипичный для языковых контактов случай прямой морфологической интерференции — перераспределение существительных по классам *singularia* и *pluralia tantum* по сравнению с языком метрополии; иногда можно говорить о влиянии европейских языков на русский на рубеже веков: *спорты, багажи, информации, сепаратизмы* и др. [3].

Для ряда существительных характерно изменение родовой принадлежности по аналогии со словами литовского языка: *поехали в санаторию* (лит. sanatorija — женский род); *тушь, гуашь* могут использоваться в форме мужского рода (лит. tušas, guašas) — это касается прежде всего интернациональной лексики. Существительное *собака* в просторечном употреблении приобретает форму мужского рода: *Собака большой победил* (бел. сабака — мужской род).

2. Имя прилагательное

Под влиянием литовского языка активизируются именные сочетания вместо атрибутивных, при этом происходит замена: а) относительных прилагательных — *Круглосуточный русскоязычный детский сад приглашает детей в возрасте 1,5—6 лет. Действуют кружки танца и рисования* (ЭН. 2003. № 3) — ср. лит. šokių būrelis — танцевальный кружок, лит. dailės būrelis — художественный кружок; б) притяжательных прилагательных, которые заменяются существительными и в устойчивых выражениях — приведем ошибки учеников средних школ: *с высоты полета птицы* (ср. с высоты птичьего полета), *молоко козы* (ср. козье молоко).

3. Местоимение

В просторечии вместо отрицательных местоимений активны следующие словосочетания, аналогичные литовским, а также польско-бело-

русским конструкциям: **нет кому прийти** «некому» (ср. лит. *pega kam*; бел. *няма каму*; пол. *niema komu*); **нет кого звать** «некого»; **нет за что купить** «не за что»; **нет чего читать** «ничего» и под.

4. Имя числительное

В соответствии с литовскими конструкциями в составе именного сочетания числительное не управляет существительным, а согласуется с ним в форме родительного падежа: *Ветер юго-западный, семи-двенадцати метров в секунду* (ТВ, 22.11.1992); *Ветер западный, пяти-десяти метров в секунду* (ТВ, 28.1.1992); *Лифт со скоростью четырех метров в секунду поднимается на 19 этаж* (ТВ, январь, 1992).

5. Глагол

Устоявшейся своеобразной приметой русского просторечия Литвы являются деепричастия с суффиксом *-вши* на месте глагола в функции сказуемого: *Спасибо, не хочу, я уже поевши*; *Мальчик весь замерзши*; *Ты что, не выпавшись? Тут раньше базар бывши*; *Он был уехавши, а сейчас дома*. Подобные формы характерны для местного польско-белорусского диалекта, но нельзя отрицать также влияния морфологии литовского языка: «сложная глагольная система литовского языка и активное употребление причастий влияют на глагольные формы в русском языке — для передачи значения результата действия или ограниченного действия в литовском языке употребляются сложные глагольные формы в настоящем: *esu padaręs (сделал)* и прошедшем однократном времени *buvau išvažiavęs (ездил, уезжал)*» ([1]; 218).

6. Предлоги

Типично смешение предлогов под воздействием соответствующих литовских предложных конструкций: *Писать и читать с очками* (лит. *su akiniiais* «в очках»); *Заходить в комнату с туфлями* (лит. *su batais* «в туфлях») (РР); *Я с нее насмеялась* (лит. *iš jos* «над ней») (РР). Обычно это семантически близкие предлоги: **для** вместо **с целью** — *Для дружбы, которая могла бы перейти в серьезные отношения, познакомлюсь с добрым и порядочным мужчиной* (ЛР. 2000. № 40); *50-летний культурный мужчина без вредных привычек познакомится с женщиной для любви и дружбы* (ВВ. 2003. № 24); **по** вместо **после**: *по выборе президента* (ТВ); **против** вместо **напротив**: *Этот центр — против ресторана* «Мядже-

тою" (реклама на Литовском ТВ, сентябрь 2001); *за* вместо *через*: *Нам за две недели будет девять лет, как живем в этом доме* (PP) (в литовском языке, а также польском и белорусском соответствующий предлог имеет как пространственное, так и временное значение).

Смешение предлогов может быть обусловлено влиянием местного польско-белорусского диалекта; так, в русском просторечии распространены следующие примеры: *И при столе разговаривали об этом* («за столом»); *Аккуратный такой мужчина, всегда под шляпой, под галстуком. Для обозначения места и направления движения доминирует предлог на вместо в: Сестра на фирме работает; у нас на Литве так; был на деревне, ездили на Белоруссию* (PP); *Ищу работу на строительстве — отделочника* (ЛК. 2002. № 10).

Высокую степень неустойчивости незначительных слов, в том числе и предлогов, наделенных чисто грамматическими функциями, показывают также исследования русской речи зарубежья. Предлоги — это ошибки на универсально слабых участках языка [3].

В частеречном отношении не все классы слов одинаково расположены к инновациям под воздействием другой грамматической системы. Потенциально открытыми во всех языках являются классы существительных, прилагательных, полнозначных глаголов; преимущественно закрытые для заимствований, — например, личные местоимения, числительные, вспомогательные глаголы. У Вайнрайх (1979) отмечает, что элементы языка, которые могли бы заимствоваться, можно выстроить в виде пирамиды, вершину которой составляли бы флексии как наиболее интегрированные в структурном и семантическом отношениях; ниже — лексико-грамматические разряды служебных слов (предлоги, артикли, вспомогательные глаголы); в основе же пирамиды (существительные, наречия и междометия). Доминируют среди заимствований имена существительные. Объяснение этому «следует искать скорее на лексико-семантическом, чем на структурно-грамматическом уровне. В тех языках и в тех ситуациях контакта языков и культур, где до сих пор проводилось изучение заимствований, новые обозначения требовались для таких денотатов, которые в подавляющем большинстве случаев обозначаются существительными. При других условиях языковых и культурных контактов это соотношение может быть иным» ([2]; 69).

В речи русских Литвы подавляющее большинство инноваций, обусловленных литовским языком, составляют имена существительные — как приобретающие возможность склоняться в русском языке (обычно существительные с литовским окончанием *-а* — *купили с нолайдой* — лит.

nuolaida «скидка»), так и несклоняемые (На *Žolinės* выходной — лит. «католический праздник»). Е.А. Земская [17], констатируя факт преимущественного заимствования существительных в языке русской эмиграции, объясняет это и тем обстоятельством, что существительные могут использоваться без грамматического переоформления, в отличие от глаголов и прилагательных, которые требуют оформления по образцу соответствующих русских частей речи. Из других литовских инноваций в языке русских Литвы выделяются междометия, особенно характерные для экспрессивной молодежной речи: *Oj, что будет, siaubas!* (лит. «ужас»); *Ничего не выходит, šakes* (выражение досады). Легкость заимствования междометий объясняется природой их значения — выражением определенных эмоций, тесно связанных с речевой ситуацией и поэтому с трудом поддающихся переводу, а также синтаксической обособленностью междометий, что делает их вхождение в другой язык достаточно несложным [5].

Польско-белорусские вкрапления, в отличие от литуанизмов, в частеречном отношении представлены значительно шире. Частотны глаголы различных тематических групп — *расхаратать* («разбить»), *гандлевать* («торговать»), *пошаровать* («потереть»), *умовиться* («договориться»), *побольшесть* («увеличиваться, становиться больше»), *постить* («соблюдать пост») и др.: *Снила (приснила) плохой сон* («видеть во сне»); *Только потом отпомнилась, что хлеба забыла купить* («вспомнить, опомниться»); *Не переживай, я тебе такую же кофточку откуплю* («купить взамен»); *Ты мне яичницу спекла?* («испечь»). Распространены имена прилагательные: *парни небеспечные стали* («небезопасный»), *он как шаленый* («бешеный»), *зимовые сапоги* («зимний»); *вода летняя* («теплый»), *глаза небесные* («голубой»); *суп редкий* («жидкий»). Немногочисленны наречия — *Это не трудно, марудно только* («кропотливо»); союзы — *Але ж я ничего не увижу* («но»).

Таким образом, наши материалы, касающиеся языка русских в Литве, подтверждают типичность морфологических процессов в речи русских в иноязычном окружении (например, [4], [3], [7]). При этом в морфологической системе выделяется целый ряд уязвимых участков, подвергающихся изменениям. Происходящие процессы — результат взаимодействия языковых систем при общении коммуникантов, стремящихся к оптимизации, упрощению ресурсов языка и использованию ограниченного набора языковых средств — именно тех, что являются общими или подобными в контактирующих языках. Предпочтительным оказывается выбор аналитических форм — это универсальное положение теории языковых контактов [2]. Отбор и закрепление определенных

морфологических форм при лингвистическом контактировании обусловлены, таким образом, коммуникативной целесообразностью.

Условные сокращения

ВВ — газета "Вильнюсский вестник"; ЛК — газета "Литовский курьер"; ЛР — газета "Летувос Ритас"; Обз. — газета "Обзор"; ЭЛ — газета "Эхо Литвы"; ЭН — газета "Экспресс неделя"; РР — разговорная речь; ТВ — передача Литовского телевидения "Вестник Литвы".

ЛИТЕРАТУРА

1. Бразаускаене Е. Грамматические особенности русского языка в Литве // Русский язык сегодня. Вып. 1. М., 2000.
2. Вайнрайх У. Языковые контакты. Киев, 1979.
3. Гловинская М.Я. Общие и специфические процессы в языке метрополии и эмиграции // Язык русского зарубежья. Москва-Вена, 2001.
4. Голубева-Монаткина Н.И. Грамматические особенности русской речи потомков эмигрантов "первой волны" во Франции // Филологические науки. 1994. № 4.
5. Жлуктенко Ю.А. Лингвистические аспекты двуязычия. Киев, 1974.
6. Журавлев А.Ф. Иноязычные заимствования в русском просторечии // Городское просторечие. М., 1984.
7. Земская Е.А. Общие языковые процессы и индивидуальные речевые портреты // Язык русского зарубежья. Москва-Вена, 2001.
8. Караулов Ю.Н. О языке русского зарубежья // Вопросы языкознания. 1992. № 6.
9. Языковые ситуации и взаимодействие языков. Киев, 1989.

Morphological Processes in Close Linguistic Intercours (basing on the material of the Lithuanian Russians)

The article deals with the morphological processes in the Russian language in Lithuania, which are conditioned by linguistic contact. Morphology is considered to be a stable system of the language, however the surrounding languages can cause a certain influence which reveals itself in specific grammatical forms. Their selection and survival in the language are conditioned by their communicative expediency.